

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

ЗАМОК БЛАНДИНГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

P.G. Wodehouse
BLANDINGS CASTLE

Перевод с английского *И. Гуровой, Н. Трауберг*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88   Замок Бландинг : [сборник] / Пелам Гренвилл
Вудхаус ; [перевод с английского И. Гуровой, Н. Трау-
берг]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-160387-8

Один из лучших «семейных» сериалов Пелама Гренвил-
ла Вудхауса, полный английского юмора. Знакомьтесь: обитате-
ли замка Бландинг — семейство истинно английских аристокра-
тов. Их эксцентричность далеко превосходит все, что вы только
можете вообразить. Крепкие стены их родового гнезда способ-
ны выдержать многое: и странности престарелого главы клана,
и проделки представителей младшего поколения, и безумные вы-
ходки гостей замка.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2021
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers,
2024

ISBN 978-5-17-160387-8

Восхождение Минны Нордстром

В «Перлах грез» на Хай-стрит показывали последний фильм Минны Нордстром, и мисс Постлетуэйт, наша впечатлительная буфетчица, побывавшая на премьере, все еще переживала увиденное. Перетирая кружки, она громко шмыгала носом.

— Так, значит, фильм хороший? — спросили мы, так как в зале «Отдыха удильщика», когда дело касается серебристого экрана, мы всецело полагаемся на мисс Постлетуэйт. Ее отзыв может вознести, а может и низвергнуть.

— Замечательный, — завершила она нас. — Он открывает всем нам душу женщины, которая ни перед чем не останавливалась во имя любви. Трогательная и возвышающая сердца драма жизни, которой мы теперь живем. Она облагораживает эмоции сочувствием и ужасом.

Ром С Молоком высказал мнение, что раз уж фильм так хорош, так он, пожалуй, рискнет потратить на него девять пенсов. Херес С Горьким

Пивом начал прикидывать, сколько платят такой женщине, как Минна Нордстром. Портвейн Из Бочки спас беседу от грозившего ей погружения в пошлый материализм, пожелав узнать, как кинозвезды становятся звездами.

— Я вот о чем, — пояснил Портвейн Из Бочки. — Кинокомпания что, специально берется за сотворение звезды, тренирует ее? Или она вдруг восклицает: «Эгей, да это же никак звезда? Ну-ну!»

Один из циничных Сухих Мартини, которые всегда все знают, сказал, что тут решают только связи.

— Копните поглубже, и окажется, что эта ваша Нордстром побывала замужем за какой-нибудь киношишкой.

Мистер Муллинер, который в рассеянности прихлебывал горячее виски с лимоном, при этих словах поднял голову:

— Вы, кажется, произнесли имя Минны Нордстром?

— Мы рассуждали о том, как становятся звездами. Я сказал, что у нее, конечно, был какой-то рычаг.

— В некотором смысле вы правы, — сказал мистер Муллинер. — Рычаг у нее был, но этому она была обязана собственной предприимчивости и находчивости. У меня, как вам известно, в Голливуде есть родственники и свойственники,

и благодаря этим каналам информации я ознакомился с закулисной историей их студии. И мне точно известно, что Минна Нордстром поднялась до нынешних своих высот благодаря собственной изобретательности и настойчивости. Если мисс Постлетуэйт еще раз смешает для меня виски с лимонным соком, причем чуть больше подчеркнув виски, я с радостью расскажу вам всю историю.

Когда обитатели Голливуда в разговоре затаивают дыхание — а это место, где постоянно в той или иной степени практикуют затаивание дыхания, — вы чаще всего обнаруживаете (сказал мистер Муллинер), что в разговоре фигурирует Джейкоб З. Шнелленхамер, всеми любимый президент корпорации «Идеало-Зиззбаум». Мало найдется имен, которые были бы окружены более широким почитанием, чем имя этого человека наполеоновской закалки.

Потребуйте примера его финансового чутья, и поклонники Шнелленхамера укажут на великое слияние, инициатором которого он явился, — на слияние, при помощи которого он объединил собственную компанию «Колосс-Изыск» с двумя могучими концернами «Идеало-Фишбейн» и «Зиззбаум-Целлулоид». Попросите доказательства его художественного гения, его умения распознать талант в самом сыром виде, и вы получи-

те ответ незамедлительно. Он — тот, кто открыл Минну Нордстром.

Нынче, когда интервьюеры упоминают всемирно прославленную звезду в присутствии мистера Шнелленхамера, он скромно улыбается.

— Я давно положил глаз на малютку, — говорит он, — но по разным причинам не считал, что время для ее дебюта наступило. Затем я провел то, что вы любезно называете эпохальным слиянием, и получил возможность сделать решительный шаг. Мои коллеги сомневались в разумности присвоения никому не известной девочке статуса звезды, но я был тверд. Я видел, что ничего другого не остается.

— Вас посетило прозрение?

— Оно меня посетило.

Однако в тот вечер, с которого начинается моя история, мистера Шнелленхамера посетила только головная боль.

Вернувшись из студии после трудового дня и войдя в гостиную своего роскошного дома в Беверли-Хиллс, он утомленно опустился в кресло, всеми фибрами ощущая, что даже собаку не обрек бы на жизнь президента корпорации, питай он к этой собаке симпатию.

Бесспорно, болезненный ход мыслей, но не лишенный основания. Управление большой киностудией чревато тем, что все, с кем бы вы ни

приходили в соприкосновение, начинают перед вами играть. Голливуд населен исключительно теми, кто стремится играть в кино, и они, вполне естественно, считают, что лучший способ осуществить свою мечту, это перехватить взгляд власть имущего и продемонстрировать свой талант.

С той минуты, когда мистер Шнелленхамер покинул утром свой дом, перед ним играли, играли и играли. Сначала вахтер студии, который, открыв ворота перед его автомобилем, немедленно показал этюд, свидетельствовавший, что он просто создан для гангстерских ролей. Затем последовали его личная секретарша, два представителя книжных издательств, официантка, которая принесла ему второй завтрак, страховой агент, репортер киноеженедельника и парикмахер. А когда он уезжал вечером, то перед ним опять выступил вахтер, на этот раз в бурлескной роли.

И неудивительно, что к тому времени, когда магнат добрался до дома, он ощущал резкую ломоту в области висков и жгучую потребность в чем-то тонизирующем.

Для обретения последнего он позвонил, и вошла Вера Пребл, его горничная. Он было удивился, почему вошел не дворецкий, но тут же вспомнил, что уволил его сразу после завтрака за то, что яичницу с ветчиной он подал, вырази-

тельно декламируя «Ганга-Дина», это популярнейшее произведение поэта Киплинга.

— Вы звонили, сэр?

— Принесите мне выпить.

— Слушаю, сэр.

Девушка удалилась, чтобы вскоре вернуться с графином и сифоном. При виде них мистер Шнелленхамер чуть-чуть ободрился. Он гордился своим винным погребом и знал, что в графине колыхается целительный бальзам. В порыве внезапного благодушия он одобрительно посмотрел на горничную и подумал, что она, кажется, очень приятная девушка.

До этой минуты он никогда особенно не изучал внешность Веры Пребл и вообще мало о ней думал. Когда она появилась в доме несколько дней назад, он, конечно, заметил, что ей присуща эфирная красота, но, с другой стороны, в Голливуде каждая встречаемая девушка обладает либо эфирной красотой, либо лукавой мальчишеской задорностью, либо темной загадочностью, говорящей о потаенной бешеной страстности.

— Поставьте на столик, — сказал мистер Шнелленхамер, проводя языком по губам.

Девушка исполнила его указание. Потом выпрямилась, внезапно откинула голову и сжала ее ладонями в экстазе безысходных страданий.

— О! О! О! — воскликнула она.

— А? — сказал мистер Шнелленхамер.

— Ах! Ах! Ах!

— Я что-то не улавливаю, — сказал мистер Шнелленхамер.

Она смотрела на него широко открытыми, полными отчаяния глазами:

— Если бы вы знали, как бесконечно я устала от всего этого! Устала... устала. Пылание огней... блеск и сверкание... веселье... как все это пусто, как бесплодно! Я хочу бежать от всего этого, ха-ха-ха-ха!

Мистер Шнелленхамер отступил за диван. В этом смехе чудилась неуравновешенность. Ему этот смех не понравился, и он продолжал свое продвижение спиной в сторону двери, но тут девушка, которая закрыла глаза и покачивалась, словно ее терзала какая-то внутренняя боль, заметно успокоилась.

— Небольшой этюд, который я сочинила, чтобы показать себя в драматической роли. Смотрите! Я буду выражать!

Она улыбнулась:

— Радость!

Она сомкнула губы:

— Огорчение.

Она пошевелила ушами:

— Ужас.

Она подняла брови:

— Ненависть.

Затем взяла с подноса внушительный конверт.

— Здесь, — сказала она, — несколько моих фотографий, если желаете посмотреть. На этой мое лицо в покое. Я называю ее «Мечтание». А это я в купальном костюме... на лошади... иду пешком... счастлива среди моих книг... собираюсь приласкать собаку. А вот фотография, о которой мои друзья отзывались с похвалой, — Клеопатра, египетская царица-воин, на балу газетчиков Пасадены. Тут особенно хорошо видна черта моего лица, которую все считают наиболее впечатляющей: нос, вид сбоку.

Все время, пока она говорила, мистер Шнелленхаммер тяжело дышал, застыв в неподвижности. На некоторое время открытие, что эта горничная, о которой он только что думал с такой благожелательностью, была попросту еще одной змеей подколенной, лишило его дара речи. Но теперь немота прошла.

— Вон! — сказал он.

— Прошу прощения? — сказала девушка.

— Вон сию же минуту. Вы уволены.

Наступило молчание. Вера Пребл сомкнула губы, пошевелила ушами и подняла брови. Было ясно, что она огорчена, поражена ужасом и охвачена разгорающейся ненавистью.

— Что, — наконец спросила она страстно, — со всеми вами такое — с киномагнатами? У вас нет сердец? Нет сострадания? Никакого сочувствия? Или понимания? Неужели заветные мечты тех, кто рвется показать себя, ничего для вас не значат?

— Нет, — ответил мистер Шнелленхамер на все пять вопросов.

Вера Пребл засмеялась горьким смехом:

— Нет! Вот именно. Пять месяцев я осаждала заведующих отдела набора актеров. Они отказывались взять меня. Тогда я подумала, что, найдя способ проникнуть в ваши дома, я сумею преуспеть в том, в чем прежде терпела неудачу за неудачей. Мне удалось наняться горничной к мистеру Фишбеину из «Идеало-Фишбейн». На середине «Пыли» Редьярда Киплинга он зверски оборвал меня и приказал убираться вон. Я устроилась на такой же пост у мистера Зиззбаума («Зиззбаум-Целлулоид»). Начальные строки «Крушения Гесперуса» миссис Хеманс не успели сорваться с моих губ, как он уже был на третьем этаже и помогал мне уложить вещи в чемодан. А теперь и вы растоптали мои надежды. Это жестоко... жестоко... Ах-ха-ха-ха-ха-ха!

Она начала раскачиваться в приступе неизбывного горя. Потом ее словно осенила какая-то мысль.

— Но может быть, вам хотелось бы увидеть меня в водевиле? Нет?.. Ну что же.

Быстрым падением век и подергиванием щеки она выразила покорность судьбе.

— Как вам угодно, — сказала она, но внезапно ее ноздри затрепетали, и она оскалила верхний левый клык, выражая угрозу.

— Еще одно последнее слово. Вот погодите!

— Как это — погодите?

— Так и погодите. Вот и все.

Мистер Шнелленхамер на миг ощутил тревожный холодок. Как у каждого киномагната, у него имелось около сорока семи неблагоприятных секретов, причем частично запечатленных на бумаге. Неужели...

Тут он перевел дух. Все его личные документы хранились в арендованном сейфе. Глупо даже подумать, что у этой девчонки есть на него что-то.

Успокоившись, он возлег на диван и предался грезам. И вскоре припомнил, что не далее как утром заключил сделку, которая позволит ему выпотрошить двести семьдесят трех владельцев кинотеатров. Его губы сложились в довольную усмешку, и Вера Пребл была забыта.

Жизнь в Голливуде имеет то преимущество, что там не существует проблемы слуг. Предложение заметно превышает спрос. Стоит вам вышвырнуть дворецкого с черного хода, как его

преемник уже подкатывает к парадной двери в спортивной машине. То же относится и к горничным. К середине следующего дня домашняя машина Шнелленхамеров опять была на полном ходу. Новый дворецкий чистил серебро, новая горничная делала то, что делают горничные, то есть почти ничего. В доме царили покой и мир.

Однако на следующий вечер, когда мистер Шнелленхамер, завершив дневные труды, вошел в гостиную и в голове у него теснились лишь самые светлые мысли об обеде, его встретил настоящий смерч в человеческом облике. Это была миссис Шнелленхамер. Пора ее расцвета пришлось на эпоху немого кино, когда она заслужила славу как Королева Бурных Чувств, и время от времени она принимала меры, чтобы ее муж об этом не забывал.

— Нет, ты посмотри! — вскричала миссис Шнелленхамер.

Мистер Шнелленхамер встревожился:

— Что-то случилось?

— Почему ты уволил девушку? Веру Пребл?

— Она меня обха-ха-ха-ха-тывала.

— Так знаешь, что она сделала? Она сообщила в полицию, что мы в прямое нарушение закона прячем в своем доме алкогольные напитки. И сегодня днем они приехали в фургоне и все забрали.

Мистер Шнелленхамер пошатнулся. Удар был тяжелейший. Хороший человек любит свой погреб.

- Не все же? — вскричал он почти умоляюще.
- Все.
- Шотландское виски?
- До последней бутылки.
- Джин?
- До последней капли.

Мистер Шнелленхамер ухватился за спинку дивана.

- Но не шампанское же? — прошептал он.
- До последнего ящика. А вечером мы ждем полтора гостя, включая герцога.

Она имела в виду герцога Уигенского, который, подобно многим другим британским герцогам, в те дни медленно проезжал Голливуд.

— А ты знаешь, как взыскательны герцоги, — продолжала миссис Шнелленхамер. — Мне рассказывали, что Лулубелла Мейфис в прошлом году пригласила герцога Кэркадбрайтширского на уик-энд, а всего через два месяца он внезапно отбыл, оскорбленный тем, что херес оказался не того урожая.

Киномагнат по определению мыслит быстро. Человек калибром помельче потратил бы время впустую, отзываясь о недавней мисс Пребл как о змее, которую он практически вскормил у себя на груди, но мистер Шнелленхамер обратил всю силу своего великого мозга на решение жизненно важной проблемы, как обезвредить сотворенное ею зло.

— Слушай, — сказал он, — все будет в полном порядке. Позвоню бутлегеру, и он в один момент восполнит наши запасы.

Однако он упустил из виду тот компонент голливудского воздуха, который порождает во всех тамошних обитателях непреодолимое стремление сниматься в кино. Когда мистер Шнелленхамер раздобыл телефонный номер бутлегера, то не застал этого разрываемого на части негоцианта у домашнего очага. В студии «Выдающихся Любимцев Экрана» снимался эпизод «Разлученных сердец», и бутлегер трудился там в поте лица, исполняя роль англиканского епископа. Секретарша объяснила, что его нельзя беспокоить: он чрезвычайно расстраивается, когда его отрывают от творчества.

Мистер Шнелленхамер позвонил второму бутлегеру, потом третьему, но и они были на съемках.

Мистер Шнелленхамер был уже близок к отчаянию, когда ему припомнился его старинный друг Изадор Фишбейн, и сгушавшийся мрак прорезал луч надежды. По счастливейшему велению Судьбы в этот момент он и президент «Идеало-Фишбейн» находились в безоблачных отношениях — уже несколько недель ни первому, ни второму никак не удавалось подложить другому свинью. К тому же винный погреб мистера Фишбейна не ударил бы лицом в грязь даже перед самым богатым погребом Калифорнии.